
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОСУДИЕ

С. Н. Хорунжий

Воронежский государственный университет

ДЕЛЕГИРОВАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

В статье рассматривается законная сила судебного решения как результат делегирования юридической силы нормативного правового акта; исследуется отличие юридической силы нормативного акта от делегированной судебному решению силы закона; указывается, что в основании судебного нормоконтроля лежит юридическая сила закона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: делегированное законодательство, судебное правотворчество, судебный нормоконтроль, юридическая сила закона, преобразование, изменение, прекращение правоотношений, законная сила решения суда.

DELEGATED LEGISLATION AND JUDICIAL LAWMAKING

In the present article validity of the judgment, as result of delegation of validity of the regulatory legal act is considered; distinction of validity of the statutory act from force of the law delegated to the judgment is investigated; it is specified that in the basis of judicial compliance assessment validity of the law lies.

К e y w o r d s: the delegated legislation, judicial law-making, judicial compliance assessment, validity of the law, transformation, change, the termination of legal relationship, validity of a judgment.

Поступила в редакцию 25 октября 2013 г.

В современной научной литературе термин «делегированное законодательство» определяют по-разному. Согласно исследованиям С. И. Арефиной¹, одни источники рассматривают его как особый вид деятельности, другие определяют данный институт через совокупность актов (делегированное законодательство – акты исполнительной власти, изданные по поручению парламента и имеющие силу закона); третьи – как возможность передачи компетенции одного органа другому². В отдельных странах к актам делегированного законодательства относятся лишь те правительственные акты, которые наделены силой закона.

Институт делегированного законодательства получил сравнительно широкое распространение в ряде европейских стран (Италии, Испании, Франции, Великобритании), а также в Новой Зеландии и США. В качестве предпосылок возникновения этого института выделяют, в частности: а) уменьшение роли парламента как высшего и единственного законодательного органа государства³; б) необходимость оперативного законодательного реагирования

на стремительно меняющиеся правоотношения (так называемое опережающее законодательство⁴); в) широкое толкование термина «законодательный акт», при котором это понятие включает в себя акты высшего исполнительно-распорядительного органа, изданные в строго регламентированном порядке.

Очевидно, что делегированное законодательство теснейшим образом связано с делегированием полномочий. Это является одной из причин существующего разнообразия в подходах к данному институту и отсутствия единой позиции в его определении на протяжении значительного времени фактического использования в практике работы органов государственной власти. Вместе с тем очевидны и общие черты, присущие реализации института делегированного законодательства.

Во-первых, наличие источника делегирования. Как правило, им выступает высший уполномоченный орган (законодательной) государственной власти. *Во-вторых*, наличие заранее определенного круга субъектов, которым предоставлено право принятия актов в рамках института делегированного законодательства (правительство, местные органы власти, судеб-

© Хорунжий С. Н., 2013

ные органы). *В-третьих*, четко регламентированная процедура принятия указанных нормативных предписаний уполномоченными органами. *В-четвертых*, контроль за исполнением актов, принятых в рамках осуществления делегированных полномочий.

Обратим внимание, что функция контроля осуществляется преимущественно парламентом. В то же время в отдельных государствах контрольные полномочия переданы органам судебной власти (например, в Великобритании). В странах «общего права» вопросы делегирования приобретают особое звучание: в силу действующего в них принципа парламентского верховенства не проводится четкого разграничения нормотворческих полномочий парламента и других органов власти (исполнительных, например). В итоге законодательные акты (статуты) и исполнительно-распорядительные акты могут иметь общую сферу регулируемых правоотношений⁵. Принимая в целом механизм делегирования правотворческих полномочий судебным органам в таких странах (Великобритания, Новая Зеландия), дискутировать можно лишь об усовершенствовании процедуры и повышении эффективности контроля за принимаемыми в рамках указанной системы правовыми нормами.

Признавая объективную необходимость подобных процедур для существования и деятельности органов власти в государствах «общего права», отметим, что попытки распространить такой опыт в рамках доктрины разделения властей, в том числе на правовое поле Российской Федерации, выглядят недостаточно аргументированными. В системе законодательства России длительное время используется правовой институт наделения полномочиями. Выводя за рамки данной статьи анализ лингвистических различий между категориями «наделение» и «делегирование», позволим заметить, что применительно к правовой практике в нашей стране уместнее говорить именно о наделении полномочиями – как о деятельности органов власти по передаче определенных исполнительно-распорядительных функций, и делегировании законодательства – как о наделении юридической силой закона актов, принятых иными (незаконодательными) органами государственной власти.

Известно, что исключительной особенностью судебного решения является вступление

его в законную силу. По нашему мнению, это не что иное, как приобретение судебным решением силы закона, которая проявляется в распространении действия акта суда на неограниченный круг лиц, общеобязательности для исполнения, обеспечении принудительной силой государства. С момента вступления в законную силу решение суда приобретает силу закона, однако не следует уравнивать его с самим законом. Судебное решение лишь наделяется таковой силой, оставаясь при этом актом органа судебной власти.

Здесь возникают два ключевых вопроса, попытки ответить на которые приводятся ниже: 1) что именно передается (предмет деятельности, полномочие, функция) и 2) чем именно наделяется (новым статусом, расширенными возможностями, юридической силой)?

Выделим основные элементы механизма делегирования юридической силы закона судебному решению.

1. *Наличие публично-правовых властеотношений*: делегирование возможно только в системе органов государственной власти, структурные единицы которой обладают государственной компетенцией в решении соответствующих вопросов, в том числе правомочием на издание определенного акта, обладающего юридической силой. Источником власти в соответствии с Конституцией РФ выступает народ. Поэтому можно говорить о единстве юридической природы издаваемых органами государственной власти правовых актов. В этом аспекте решение вопроса о характеристике актов негосударственных органов власти выглядит совершенно определенным. В частности, в споре о юридической природе судебного решения третейского суда (арбитража, медиации) в данном случае может быть только одно очевидное заключение: решения негосударственных (судебных) органов не могут вступать в законную силу ввиду отсутствия публично-правовых властеотношений между сторонами и лицом (органом), разрешающим спор. Следовательно, в силу невозможности реализовать механизм делегирования юридической силы закона решению третейского суда последнее не наделяется законной силой.

2. *Объем и пределы делегирования* ограничены нормой примененного акта и его юридической силой. Законной силой наделяется судебное решение, основанное на правильном

применении надлежащего материального акта. Таким образом, делегирование возможно только в полном объеме: действие законной силы распространяется на всё судебное решение и не может быть частичным – «почти законным». Акты, не соответствующие данному критерию, подлежат отмене.

В результате делегирования передается не юридический статус, а юридическая функция закона. По этой причине представляется ошибочным суждение о том, что судебное решение приобретает черты закона: статус закона как основного нормативного правового акта остается неизменным и не подлежащим передаче, можно говорить лишь о передаче юридической силы этого акта в виде законной силы судебного решения. Решение суда остается правоисполнительным актом, не становится правотворческим актом и не носит правоустановительного характера.

Благодаря отмеченному механизму делегирования соответствует доктрине разделения властей⁶ на законодательную, исполнительную и судебную и лишь подчеркивает единство государственной власти, не наделяя суд особыми правотворческими полномочиями.

3. *Судебно-делегационный контроль.* Суд обеспечивает тот самый контроль, который крайне трудно реализуем в системе делегированного законодательства (при передаче полномочий от парламента к исполнительной власти). Судебное решение приобретает законную силу только после истечения срока на обжалование или после вступления в силу соответствующего постановления суда либо в экстраординарном порядке после отмены вступившего в законную силу судебного решения. В данном аспекте особо проявляется отличие юридической силы нормативного акта от делегированной судебному решению силы закона.

Н. А. Чечина, проведя сравнительный анализ законной силы судебного решения и силы закона, делает вывод о том, что решение как акт органа власти наделяется силой, аналогичной (но не идентичной) силе закона как высшего выражения государственной воли; будучи законом для разрешенных судом конкретных правоотношений, судебное решение остается подзаконным актом, выражающим и фиксирующим положение закона: суд применяет норму права к определенным правоотношениям; законная сила решения есть норма

права в действии, поэтому приобретение судебным решением силы закона является способом применения права, при котором вступает в силу, становится законом авторитетное разъяснение суда о действии, порядке и сроках исполнения предписаний нормы права применительно к субъектам рассмотренного судом спорного отношения⁷.

Необходимо отметить, что если при делегировании полномочий речь идет, как правило, о децентрализации, то в случае делегирования силы закона следует говорить о реализации правовой нормы применительно к конкретным правоотношениям. Таким образом, надлежаще примененная судом абстрактная норма закона выступает гарантией неизменности действия судебного решения, непоколебимости законной силы в случае проверки законности акта суда. Судебно-делегационный контроль проявляется в установлении факта соответствия судебного решения норме закона и означает сопоставимость законной силы судебного решения и юридической силы закона.

4. *Юридические конструкции, сопутствующие механизму делегирования.* Благодаря институту законной силы обеспечивается легитимизация всех последующих проявлений действия судебного решения: обязательности, исполнимости, исключительности и т. д. Указанные свойства судебного решения выступают результатом наделяния его силой закона и являются сопутствующими действием юридической силы закона.

Таким образом, мы можем говорить о передаче юридической силы закона судебному решению в виде законной силы, поэтому законную силу судебного решения можно рассматривать как юридическую силу нормативного предписания (закона), делегированную правовым актом (законом) решению суда. Именно благодаря акту делегирования судебное решение наделяется законной силой. При этом следует говорить не о передаче полномочий (по принятию нормативных правовых актов) одного органа другому, а о делегировании юридической силы такого акта решению суда, вступившему в законную силу. Судебное решение в этом смысле представляет собой акт делегированного государственного правоприменения.

Механизм делегирования юридической силы закона решению суда позволяет решить отдельные существующие в науке и практике

трудности, связанные с реализацией законной силы в конкретных правоотношениях. Принцип разделения власти на три ветви ставит перед наукой множество практических вопросов, однозначное разрешение которых представляет порой значительную сложность. Применительно к судопроизводству конституционный принцип разделения власти дополняется иногда особыми судебными полномочиями («судейским правом»), объяснение которых через правоприменительную деятельность не всегда возможно. Вместе с тем практика требует решения подобных вопросов именно в рамках доктрины разделения властей как самой приемлемой с точки зрения развития современных институтов общества и государства. В современной процессуальной науке к наиболее сложным вопросам, не укладывающимся в существующую парадигму, следует отнести рассмотрение решения в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей, а также институт судебного нормоконтроля.

1. Юридическая сила закона как основание возникновения гражданских прав и обязанностей в судебном порядке.

Благодаря акту делегирования силы закона решение суда становится основанием возникновения гражданских прав и обязанностей (ст. 8 Гражданского кодекса). Иными словами, субъективное право возникает не из судебного решения как нормативного предписания, а из закона, применение которого обеспечено по отношению к конкретному лицу решением суда. Именно норма закона, примененная судом, является источником возникновения соответствующего субъективного права, в то время как основанием его возникновения будет судебное решение, вступившее в законную силу. Делегирование юридической силы проявляется здесь в наделении судебного решения силой примененного закона. Таким образом, изменение (прекращение, преобразование) существующих правоотношений обеспечивается посредством применения судом закона: указанные изменения обеспечивает именно юридическая сила нормативного акта, примененного судом. При этом законная сила судебного решения подчинена нормативности правового предписания и вытекает из него. Поэтому следует говорить не о преобразующем (конститутивном) решении суда, а о

действии нормы закона, примененной судом и преобразующей правоотношение.

М. А. Гурвич иначе обосновывал изменение материальных правоотношений, корнем которых он считал, как известно, особое преобразовательное решение, а именно материально-правовое действие вступившего в законную силу решения суда. По мнению ученого, особенность таких решений состоит в том, что их предметом является не правоотношение, существовавшее до процесса, а правоотношение (или его отсутствие), созданное в результате судебного преобразования. Таким образом, преобразовательные отношения не являются основанием для принудительного исполнения: они неисполнимы потому, что подтвержденные ими права истца не составляют притязаний. Такие (преобразовательные) решения сами по себе содержат акт исполнения в виде преобразования правоотношения; акт исполнения осуществляется самим преобразовательным решением⁸.

При внешней красоте подобной юридической конструкции существуют несколько важных обстоятельств, не позволяющих согласиться с изложенными суждениями.

Первое обстоятельство – предмет судебного разбирательства и предмет судебного решения. Предметом судебного разбирательства и, соответственно, решения суда не могут быть отсутствующие правоотношения. Обратим внимание на то, что предметом судебного решения может быть только конкретное правоотношение, ставшее предметом спора между сторонами, т. е. отношение, возникшее до обращения в суд и не в связи с ним. Заметим, что М. А. Гурвич, определяя предмет судебного решения как «то гражданское правоотношение, спор о котором суд разрешил»⁹, вынужден сделать несколько комментариев, чтобы снять противоречие, возникающее при таком толковании и касающееся предмета преобразовательного решения суда: спорное правоотношение, говорит он, не сохраняется в результате такого решения, а изменяется или прекращается. Поэтому предметом конститутивного решения принято подразумевать право истца на преобразование (изменение или прекращение) правоотношения, осуществляемое через суд. Данное преобразовательное полномочие (потестативное право) служит предметом рассмотрения суда.

Второе обстоятельство – исполнение судебного решения и исполнительные действия. Суждения ученого подводят нас к выводу о том, что судебное решение само исполняет преобразованное им же правоотношение: трудно определить, что в этой юридической конструкции является антецедентом (причиной), а что – консеквентом (следствием).

Решение суда обосновывает применение нормы права к конкретным правоотношениям, но не обуславливает юридические последствия, поскольку они вытекают из закона. В этой норме права первую составляющую (а) можно рассматривать как элемент единой процессуально-материальной структуры (но не системы) – судебного разбирательства и вынесения решения по существу, а вторую составляющую (б) – как юридическое основание, являющееся условием последующего возникновения, изменения или прекращения гражданского правоотношения. Решение суда *не обосновывает* правовых последствий, но *обуславливает* их наступление. Правовым обоснованием выступает норма применяемого закона; решение становится условием ее исполнения. Правовая норма является условием юридической силы судебного решения (его законности и обоснованности) и, как следствие, юридическим основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношения.

2. *Судебный нормоконтроль*. Справедливо говорить о единстве в правовом действии нормативных правовых актов и постановлений судов как регуляторов общественных отношений, а также о различии в содержании юридической силы этих актов. Юридическая сила, как известно, проявляется не только в общеобязательности нормативного предписания, но и в иерархической структуре, системе нормативных актов¹⁰, что напрямую не применимо к судебным постановлениям.

Конституционный Суд РФ, раскрывая юридическую силу решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов, указал на ряд признаков, отличающих правовое действие этих актов:

а) решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов необязательны для других судов;

б) судебные решения могут быть оспорены в установленных федеральным законом процессуальных формах;

в) законом не предусмотрена обязательность официального опубликования данных решений;

г) обязательность следования постановлениям судов при разрешении других дел¹¹.

Юридическая сила закона проявляется также в том, что решение не пересматривается, ибо правопонимание закона, отраженное в нем, должно, как и сам закон, обладать стабильностью. Таким образом, понятие законной силы не совпадает с понятием юридической силы. Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что всякий акт, принятый с соблюдением правил, предписываемых законом, обладает законной силой, и она в данном случае означает не что иное, как юридическую силу акта¹². При таком подходе мы должны исключить специфику судебного решения как акта, принятого органом власти, обладающим исключительной компетенцией в отправлении правосудия¹³. Стирается также грань между законной силой судебного решения и законностью принятого акта как результата соблюдения общеправового принципа законности.

Принцип законности является одним из основных конституционных правоположений, «определяющим действие всех органов государственной власти и должностных лиц (ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации), в связи с чем эти органы и должностные лица вправе осуществлять свои полномочия в отношении граждан только на основании Конституции Российской Федерации и федеральных законов»¹⁴. Заметим, что применительно к судебному решению законность и обоснованность рассматриваются как содержание и одновременно как возможность реализации более общего принципа – правосудности¹⁵.

Думается, что действие юридической силы в праве вообще представляет собой особое правовое состояние следования статусу субъекта, издавшего данный акт в соответствии со своей компетенцией, поэтому понятие юридической силы акта следует рассматривать в совокупности с раскрытием содержания правового положения субъекта, издавшего акт. На схожесть в действии юридической силы судебного акта и нормы права указал в одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ), подчеркнув, однако, что только решения КС РФ, признающие неконституционными и утратившими силу

нормативные акты, «имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов»¹⁶.

Как неоднократно указывал в постановлениях КС РФ, лишение акта юридической силы возможно только по решению самого законодательного органа, издавшего акт, или же в порядке конституционного судопроизводства¹⁷. Таким образом, на стыке принципа законности возникает конкуренция двух правовых конструкций (качеств): юридической силы нормативного правового акта и законной силы постановления суда.

Использование судебным решением силы закона является основанием для существования судебного нормоконтроля. В противном случае нельзя объяснить допускаемую законодателем возможность признания нормативного правового акта (закона) недействующим. Именно сила закона, облеченная в судебное решение, придает решению суда особую юридическую силу в отношении законодательного акта, принятого представительным органом власти.

С учетом изложенного выше раскрытие законной силы решения суда через институт делегированного законодательства позволяет решить ряд существующих в теории и на практике проблем. Перечислим некоторые из них.

Во-первых, вопросы доктринального порядка. Объяснение законной силы решения суда через наделение его юридической силой закона сглаживает остроту спора, существующего длительное время в теории права, о том, является ли решение суда (а) источником права, (б) юридическим фактом, (в) актом правоприменения или преобразования. Как уже было сказано, судебное решение в этом смысле представляет собой акт делегированного государственного правоприменения.

Во-вторых, вопросы методологического порядка. Законная сила решения суда, вытекающая из нормы закона, позволяет говорить об объективно существующем критерии разделения судебных актов органов государственной власти и решений «неюрисдикционных» органов – третейских, медиативных. Если решения первых имеют в основе силу закона (и вытекающие отсюда качества обязательности, неиз-

менности, исполнимости и т. д.), то вторые, первоначально основанные на соглашении сторон (о передаче спора), имеют собственную природу, в основе которой лежит не обязательное волеизъявление, а консенсуальное. Поэтому такое решение становится обязательным не в силу делегирования нормы закона, а по причине придания соглашению сторон свойства обязательности свободным волеизъявлением тяжущихся.

В-третьих, вопросы практического порядка. Предложения о применении делегированных полномочий и распространении действия этого института на другие органы государственной власти и местного самоуправления (в том числе звучащие в научной литературе – о принятии соответствующего специального правового акта) выглядят недостаточно обоснованными при существующей системе власти: распространение законодательных функций на исполнительно-распорядительные органы размывает существо разделения властей. Вместе с тем делегирование юридической силы судебному решению в виде вступления его в законную силу выглядит вполне закономерным, поскольку только суд и парламент обладают широтой дискреционных полномочий.

Указанные обстоятельства позволяют принимать решения в рамках делегированного судебного правотворчества, не вторгаясь в исключительную сферу законодательного нормотворчества.

¹ См.: *Арефина С. И.* Конституционные основы делегированного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9–10. Автор определяет делегированное законодательство как «деятельность органа публичной власти на основании уполномочия парламента по изданию нормативных актов, регулирующих общественные отношения, из сферы компетенции парламента на определенных условиях» (*Арефина С. И.* Указ. соч. С. 11). В качестве одного из первых примеров делегированного законодательства автор рассматривает Статут привилегий (Statute of Proclamation) 1539 г., принятый в Великобритании. Как самостоятельный институт делегированное законодательство оформляется на рубеже XIX и XX столетий.

² Именно таким образом институт делегирования раскрывается в современной российской судебной практике.

³ См.: *Кирякова И. Н.* Предпосылки возникновения института делегированного законодательства в странах романо-германской правовой семьи // Рос. юрид. журнал. 2010. № 1. С. 171–175. См. также: *Кирякова И. Н.* Разграничение предмета регулирования законов и делегированных актов в зарубежных странах и Республике

Беларусь // Гос. власть и местное самоуправление. 2011. № 8. С. 42–45.

⁴ См.: Аксенович О. А. Понятие и современное значение делегированного законодательства // Общество и право. 2009. № 5. С. 80–86.

⁵ См.: Богдановская И. Ю. Делегированное законодательство в странах «общего права»: сравнительно-правовые аспекты // Право и политика. 2006. № 10.

⁶ Заметим, что в российской дореволюционной науке гражданского права особый статус судебной власти в механизме разделения властей оценивался неоднозначно. В частности, С. А. Муромцев, говоря о пассивной роли суда в применении закона, указывал, что теория разделения властей «в гражданском праве имеет тем менее смысла, что сама теория вызвана нуждами государственной, но не гражданской жизни». Ученый, говоря о недостатках правоприменительной роли суда, о необходимости признания факта «судебного творчества», тем не менее признавал, что «свободное отношение суда... к законам... служит симптомом упадка самой власти». По этой причине С. А. Муромцев видел взаимоотношения судьи и законодателя во взаимодополнении друг друга: «Законодатель должен знать пределы своего влияния... Он должен отрешиться от иллюзий насчет своего неограниченного могущества. Сознать то же самое должен и судья. <...> И закон, и обычай, и наука регулируют гражданскую жизнь, но регулируют через судью...» (Муромцев С. А. Суд и закон в гражданском праве // Вестн. гражд. права. 2009. Т. 9, № 3. С. 232–234). Более жесткую позицию в вопросе взаимного отношения закона и суда занимал И. А. Покровский, указывая, что «боязнь более или менее решительной постановки вопросов (об изменениях основных начал хозяйственного строя. – С. Х.), с одной стороны, сознание неизбежности уступок, с другой стороны – вот что вызвало на свет Божий доктрину свободного судебного усмотрения. <...> Как в области публичного, так и в области гражданского права залогом истинного праворазвития может быть только одно — законность и правопорядок!» (Покровский И. А. Гражданский суд и закон. Проблема их взаимоотношения // Вестн. гражд. права. 2009. Т. 9, № 1. С. 223). Представляется, что в настоящее время эффективность правового регулирования может быть обеспечена посредством четких механизмов действия юридической силы закона, делегированной судебному решению.

⁷ См.: Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу... С. 159–160.

⁸ См.: Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 34–36.

⁹ Там же. С. 14–15.

¹⁰ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник [для юрид. вузов]. 5-е изд., стер. М., 2008. С. 400;

Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., доп. и перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2007. С. 950, и др.

¹¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-П (п. 4) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 16. Ст. 1774.

¹² См.: Черкасов А., Громов Н. Законная сила судебного решения в арбитражном процессе // Законность. 2001. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹³ См.: О судебной системе Российской Федерации: федер. конституц. закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ст. 1) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1. Ст. 1; О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. конституц. закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ст. 5) // Там же. 2011. № 7. Ст. 898.

¹⁴ При решении вопроса об административной ответственности лица за невыполнение требований прокурора явиться в прокуратуру для дачи объяснений суд обязан выяснить законность такого требования: постановление Верховного Суда РФ от 6 июня 2003 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 11.

¹⁵ По жалобе гражданина Ефимова Николая Петровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 386 и частью второй статьи 387 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2002 г. № 28-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 17. Ст. 1719. См. также: По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 1998 г. № 5-П // Там же. 1998. № 6. Ст. 784.

¹⁶ По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации: постановление от 16 июня 1998 г. № 19-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25. Ст. 3004.

¹⁷ См., например: По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2000 г. № 6-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 16. Ст. 1774.

Воронежский государственный университет

Хорунжий С. Н., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса

E-mail: snhor@vsnoblduma.ru

Тел.: 8 (473) 277-83-94

Voronezh State University

Horunzhy S. N., Candidate of Legal Sciences, Lecturer of the Civil Law and Procedure Department

E-mail: snhor@vsnoblduma.ru

Tel: 8 (473) 277-83-94